

«Болгарский гамбит» - комбинация русской дипломатии в 1912-1913 гг., её причины и последствия

"The Bulgarian Gambit" - a combination of Russian diplomacy in 1912-1913, its causes and consequences

Кидинов Я.Ю.

Независимый исследователь, г. Москва

e-mail: jaroslaw-2@yandex.ru

Kidinov Ya.Yu.

Independent researcher, Moscow

e-mail: jaroslaw-2@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются действия российской дипломатии в отношениях с Болгарией и Румынией в 1912-13 гг. Проведённое исследование позволяет трактовать эти действия как поддержку румынских территориальных претензий к Болгарии, а затем румынской готовности вмешаться во 2-ю Балканскую войну на стороне противников Болгарии. Выявляются причины, обусловившие такие решения главы МИД С. Сазонова и его патрона Николая II. Выяснен главный мотив российской дипломатии: не допустить ущерба интересам России из-за румыно-болгарских противоречий, но напротив, использовать эти противоречия к своей выгоде. На этой основе возникли комбинации с болгарской территориальной жертвой в пользу румын. Но анализ последствий показывает, что расчёты на выгоду оказались эфемерными. Реально эти комбинации способствовали ухудшению отношений с Болгарией и негативному для России развитию общей балканской ситуации, что во время вскоре последовавшей Первой мировой войны привело к тяжёлым осложнениям. Это даёт основания считать комбинацию ошибкой российского руководства, предпринявшего неверные методы продвижения интересов России в балканском узле международных отношений.

Ключевые слова: российская дипломатия, балканский узел, российско-болгарские отношения, С. Сазонов, Вторая Балканская война, Южная Добруджа.

Abstract

The article examines the actions of Russian diplomacy in relations with Bulgaria and Romania in 1912-13. The conducted research allows us to interpret these actions as support for Romanian territorial claims to Bulgaria, and then the Romanian readiness to intervene in the 2nd Balkan War on the side of Bulgaria's opponents. The reasons that led to such decisions by Foreign Minister S. Sazonov and his patron Nicholas II are revealed. The main motive of Russian diplomacy is revealed: to prevent damage to Russia's interests due to Romanian-Bulgarian contradictions, but on the contrary, to use these contradictions to their advantage. On this basis, combinations with a Bulgarian territorial sacrifice in favor of the Romanians arose. But an analysis of the consequences shows that the calculations for benefit turned out to be ephemeral. In reality, these combinations contributed to the deterioration of relations with Bulgaria and the negative development of the general Balkan situation for Russia, which led to serious complications during the soon-to-follow First World War. This gives grounds to consider the combination a mistake by the Russian leadership, which took the wrong methods to advance Russia's interests in the Balkan knot of international relations.

Keywords: Russian diplomacy, Balkan knot, Russian-Bulgarian relations, S. Sazonov, Second Balkan War, Southern Dobrudja.

Введение

В начале XX в. отношения между балканскими странами, а также державами, имевшими на Балканах свой интерес, представляли собой узел противоречий. В этот узел была завязана и Россия, поскольку Балканы были традиционно важным объектом российской внешней политики. В частности, Петербург оказался вовлечён в румыно-болгарский территориальный спор. Сложность балканской ситуации проявилась в решении российской дипломатии частично поддержать румынские претензии на болгарскую территорию. По аналогии с шахматным термином это решение можно назвать «болгарский гамбит». Так называется комбинация, в которой играющий жертвует какой-то «материал» для продвижения своего интереса. Но реально последовавшее за комбинацией развитие балканской ситуации отличалось от ожидаемого в Петербурге.

Изучение указанных событий достаточно важно, поскольку действия российской дипломатии стали частью комплекса причин, приведших к негативным результатам, существенно сказавшихся в истории России. Но в российской историографии практически нет современных научных публикаций по этой теме. В понимании исследуемых событий сохраняется концепция, которую можно назвать сазоновской: обвинять в негативных последствиях одну Болгарию. Однако, эта концепция огрубляет понимание событий и является контрпродуктивной, поскольку изымая из комплекса причин ошибки российской дипломатии, может привести к их повторению.

Данное исследование направлено на комплексное изучение событий, выявление их сложной причинно-следственные взаимосвязи. Актуальность исследования обусловлена трудностью проведения отвечающей интересам страны политики в сложной международной обстановке. Надо не только держаться своих интересов, но ещё и верно их понимать. Неверное понимание влечёт ошибки в дипломатии, могущие принести стране тяжёлые последствия.

Румынские территориальные претензии к Болгарии и российская реакция

Румыния заявила претензии на болгарскую южную Добруджу в ноябре 1912 г. В этот момент Болгария в составе Балканского союза вела войну с Османской империей. Пользуясь тем, что болгарская армия была скована на османском фронте, румыны подкрепляли свои претензии угрозой занять требуемые территории силой.

Однако, попытка военного решения была для румын всё же рискованной. Их формальные союзники Австро-Венгрия и Германия отказалась дать гарантии поддержки в случае румынского нападения на Болгарию. Также румыны опасались российской реакции на нападение. И у Болгарии был действующий на то время военный союз с Сербией и Грецией. В этой ситуации Бухарест решил добиваться своих целей через Россию. Румынское правительство обратилось в Петербург с просьбой о посредничестве в территориальном споре с Болгарией. Просьба сопровождалась обещаниями Бухареста в случае удовлетворения его претензий изменить румынскую политику на антиавстрийскую и дружественную России [1, с. 86].

Россия в ситуации румынских претензий и угроз в адрес Болгарии не могла остаться безучастной. Необходимо было определиться в своём отношении к румынским претензиям – поддержать их или отвергнуть. И в Петербурге решили поддержать румын, хотя и не в полном объёме их претензий. Такое решение определялось тем, что противодействие румынам могло привести к обострению отношений не только с ними, но и с австро-германцами [3, с. 109]. А это уже подвергало испытанию мир во всей Европе. Также Петербург рассчитывал, проявив доброжелательность к Румынии, привлечь её к себе, ослабить её привязанность к союзу с австро-германцами [14, с. 189], ослабив этим их позиции на Балканах и усилив свои. Из таких соображений посол в Бухаресте Н. Шебеко рекомендовал принять румынское обращение. Глава МИД С. Сазонов решил, что российское участие в удовлетворении

румынских желаний послужит отправной точкой для дружественного развития [13, с. 116] отношений с Румынией. Взяв роль посредника в передаче румынских требований болгарам, Петербург предложил им уступить хотя бы часть требуемых территорий.

Но сразу выявилось различие между Петербургом и Софией в восприятии ситуации. Сазонов в болгарской уступке видел выгоду для России, а также путь к румыно-болгарскому примирению и к общей разрядке напряжённости на Балканах и вокруг них. Он считал, что уступка некоторой территории является для Болгарии, в её условиях, рациональным решением. В Болгарии же не хотели отдавать и пяди своей земли. Российские рекомендации по уступке воспринимались тягостно.

Для разрешения щекотливой ситуации Петербург созвал в апреле 1913 конференцию великих держав по поводу румыно-болгарских противоречий. По итогу конференции державы приняли общее решение, требовавшее от болгар уступки в пользу румын. В Петербурге видели свою заслугу перед Болгарией в том, что удалось уменьшить объём румынских претензий.

Вторая Балканская война и позиция России в отношении румынского вмешательства в войну

Весной 1913 г. обострились болгарские отношения с Сербией и Грецией. В ходе войны Балканского союза с османами сербские войска заняли Македонию, часть которой по ранее заключённому между союзниками договору должна была отойти Болгарии. Болгары потребовали отдать им оговорённую часть, но сербы решили не отдавать ничего. Однако требование болгар было принципиальным, поскольку они считали Македонию своей исконной землёй.

К лету 1913 г. споры по Македонии приняли характер кризиса, грозящего перейти в войну. Российский МИД и лично царь Николай II предлагали конфликтующим странам дипломатически решить свои противоречия. Но 29 июня 1913 г. болгарская армия атаковала сербов и греков на занятых ими спорных территориях. Начавшуюся войну в Бухаресте посчитали удобным моментом для дальнейшей реализации претензий на болгарскую территорию. Для этого надо было вступить в войну на стороне противников Болгарии.

Британский посол Д. Бьюкенен высказывал российским представителям, что Россия должна сдерживать Румынию от вмешательства в войну [3, с. 119]. Но, вместо этого в Петербурге сочли приемлемым румынское вмешательство, показав это румынам. Петербург заявил о недействительности договора, по которому Россия была гарантом неприкосновенности болгарской территории. Румын заверили, что Россия будет нейтральной к ним, если они вмешаются в сербо-греческую войну против Болгарии [17, с. 183].

К вышеуказанным резонам российского решения (опасение риска сдерживания Румынии и борьба за её симпатии) Бьюкенен добавляет также подспудные причины. Болгария, начав войну, проигнорировала российский призыв к дипломатическому решению и предупреждение против попытки силового решения. И в Петербурге посчитали желательным ослабление Болгарии, что должно было уменьшить для Софии соблазн политики, игнорирующей российское мнение. А также дать ей урок за игнорирование позиции России [3, с. 119].

Как пишет Бьюкенен, он указывал Сазонову, что такая политика «чревата опасностью в будущем» [4, с. 121], поскольку она отталкивала Болгарию – что поспособствует её сближению с австро-германцами. Но в Петербурге не приняли во внимание эти предостережения и советы вести к Болгарии более взвешенную политику.

Дипломатические комбинации Петербурга в отношениях с Румынией и Болгарией можно назвать «болгарский гамбит».

В гамбите различают три составляющих [16, с. 165]:

- 1) Обстановка, в которой замечается возможность проведения комбинации.
- 2) Идея – способ осуществления комбинации.
- 3) Цель – результаты, достигаемые комбинацией.

Российское руководство увидело возможность использовать в своих интересах территориальные претензии румын к Болгарии, а затем их готовность вмешаться в войну

между Болгарией и её бывшими союзниками. Идеей стало пожертвовать частью Болгарии в пользу Румынии. Если принять выделенные Бьюкененом цели комбинации – то эти цели были достигнуты. Петербург избежал рисков обострения с Румынией, но, напротив, улучшил отношения с ней. Также события привели к ослаблению Болгарии, и, с точки зрения Петербурга, ей был дан урок. Но, дальнейшее развитие событий привело к невыгодным для России последствиям проведённых комбинаций.

Причины российского решения

В своих действиях Петербург основывался на своём понимании обстановки и российских интересов – но при подробном рассмотрении резонов российского руководства в них обнаруживаются ошибочные моменты.

1) Негативное отношение к Болгарии.

В результате русско-турецкой войны 1877-78 гг. Россия стала освободительницей Болгарии. Между двумя странами возникли особые отношения. Обратной стороной стал мотив «болгарской неблагодарности» [10, с. 167], возникавший в Петербурге, когда в Софии решали действовать из своего интереса, не совпадавшим с интересом Петербурга.

Летом 1913 г. негативное отношение к Болгарии усилилось, поскольку в Петербурге посчитали именно её виновницей развала Балканского союза и войны между союзниками. Но такое определение вины не вполне отвечало реальной балканской ситуации. В историографии 2-й Балканской войны стала обязательной фраза Бьюкенена (сказанная именно Сазонову): «Болгария ответственна за открытие войны, но Греция и Сербия вполне заслужили обвинение в преднамеренной провокации» [3, с. 121]. Этой фразой показывают, что в завязке войны есть вина не одной Болгарии. Но в Петербурге не стали разбираться в сложных реалиях балканских противоречий, возложив всю вину на Болгарию с её царём.

2) Опасение рисков сдерживания Румынии.

Ситуацию сильно осложнял румынский союз с Австро-Венгрией и Германией. Германский посол прямо предостерегал Сазонова от российского вмешательства на стороне Болгарии в случае румыно-болгарского военного столкновения [3, с. 110]. И в Петербурге посчитали, что болгарская жертва – это решение, которое меньше чревато осложнениями.

Однако, Румыния не была той страной, за экспансионистский интерес которой Германия и Австро-Венгрия готовы были серьёзно вступаться. В Берлине и Вене смотрели на Румынию как на сателлита, который должен был обеспечивать их интересы, но не наоборот. Больше того, летом 1913 г. Австро-Венгрия стала склоняться к поддержке Болгарии. Вена не возражала румынским претензиям на рубеже 1912-13гг., когда болгары и сербы были союзниками. Но летом 1913 г. болгары и сербы стали противниками – и в такой ситуации болгары в Вене воспринимались как союзник против Сербии. Такая позиция Австро-Венгрии существенно снижала риски российского противодействия Румынии.

3) Планы на сближение с Румынией и её отдаление от австро-германского блока.

Сазонов в своих мемуарах отвёл под это целую главу [13, с. 120-125] – что показывает как важность этой цели для российской дипломатии, так и то, что Сазонов считал произошедшее улучшение отношений с Румынией своим личным успехом. Но в Петербурге были склонны преувеличивать значение Румынии [6, с. 101] – и, следовательно, завышать важность сближения с ней. Не было необходимости в этом сближении такой ценой за болгарский счёт – с закономерным следствием в виде ухудшения российских отношений с Болгарией.

Ослабление румынского союза с Германией и Австро-Венгрией происходило естественным путём [2, с. 330]. В Бухаресте лишились подпитки прежние страхи перед Россией и панславизмом, подталкивавшие к союзу с австро-германским блоком [7, с. 92]. На главное место в румынских интересах выдвинулась Трансильвания и другие части

Австро-Венгрии с румынским этническим большинством [11, с. 356]. В Румынии стали чётче это осознавать, распространилось желание присоединить эти территории к себе, создав Великую Румынию. Но это было возможно, образно говоря, только через труп Австро-Венгрии, через победу в военном столкновении с ней. Одна Румыния его выдержать не могла, поэтому должны были иметься сильные союзники.

Национальные интересы румын толкали их к лагерю противников Австро-Венгрии – к Антанте, объединявшей Францию и Россию. После Боснийского кризиса 1909 г., в котором впервые проявились румыно-австрийские внешнеполитические противоречия [4, с. 257], румынская сторона стала демонстрировать стремление улучшить отношения с Россией [8, с. 5-6]. Но российской стороне следовало не обольщаться такой переменной румынских настроений. По сути, в Бухаресте перешли от русофобии, определявшей отношение к России прежде, к стремлению использовать Россию в реализации своих интересов [1, с. 67, 81].

Примером такого стремления стало румынское обращение о посредничестве по территориальным претензиям к Болгарии. Бухарест пытался навязать болгарам свои требования через Россию. Приёмы румынской политики по отношению к России следует оценить как шантаж (угрозой нападения на Болгарию) и манипуляции (обещаниями изменить свою ориентацию с проавстрийской на дружественную России). На российской стороне осознавали действия Бухареста как «беззастенчивое политическое вымогательство» [14, с. 201], но идея сближения с Румынией давала этим действиям свою почву в Петербурге.

Румыно-российские отношения действительно улучшились в 1912-14 гг. – но это лишь в малой степени заслуга Сазонова и его демонстраций доброжелательности к румынам. Отношения улучшились потому, что это было необходимо румынской стороне.

Российской стороне надо было чётче понимать, что антиавстрийский настрой стал к 1913 г. постоянным фактором румынской политики, вытекающим из её фундаментального интереса. В его решении румынам необходима была российская поддержка. Расчёт на неё побуждал румын дорожить отношениями с Россией. Этот расчёт сдерживал бы их от ухудшения отношений [1, с. 76, 92] при расхождении с Петербургом по претензиям к Болгарии. В общем, идея сближения отнюдь не требовала идти на поводу у румын, обеспечивающих свои интересы за счёт Болгарии.

4) Желание избежать напряженности и добиться её разрядки через компромисс.

Румыны угрожали довести дело до вторжения в Болгарию. В Петербурге не хотели очутиться в такой ситуации, поскольку пришлось бы решать что делать: действительно поддержать болгар против румын или же уклониться от поддержки. Первое было чревато общеевропейскими осложнениями, к которым Россия была не готова [9, с. 80]. Во втором варианте Петербург терял лицо перед болгарями. Поэтому российское руководство хотело разрешить противоречие между Бухарестом и Софией через компромисс между ними. Но компромисс на основе болгарских уступок не решал ситуации. Это полностью не устраивало болгар. Румын также не устраивало компромиссное уменьшение их претензий.

К тому же надо было реальнее оценивать румынскую угрозу военного захвата требуемых территорий. Выше было отмечено: условия для румын на рубеже 1912-13 гг. были таковы, что их угрозу следовало расценивать как блеф. С весны 1913 г. условия изменились, Сербия и Греция вместо союзников Болгарии становились её врагами. Но, с другой стороны, позиция Австро-Венгрии становилась более проболгарской. Летом 1913 г. был возможен ситуативный российско-австрийский союз по сдерживанию Румынии, недопущению её вмешательства в войну между Болгарией и сербо-греческим альянсом.

5) Опасение разгрома и ослабления Сербии.

Болгарская армия в 1-й Балканской войне показала себя внушительной силой. В Петербурге опасались, что в войне с болгарями сербы будут разбиты. Это принесло бы уменьшение сербской армии в результате потерь, утрату значительной территории с её населением, а также моральный удар. Но ослабление Сербии были неприемлемо для России.

Сербы рассматривались как важный союзник в вероятной войне с Австро-Венгрией. Чем сильнее была Сербия, в том числе и духовно – тем большие силы австро-венгров сербы отвлекли бы от русского фронта [10, с. 168].

Петербург не стал сдерживать румын от вмешательства в войну, поскольку в Петербурге выступление Румынии на стороне сербо-греческого альянса виделось страховкой от его разгрома болгарскими. Впрочем, в Петербурге надеялись, что сама угроза румынского вступления предотвратит войну. Надеялись, что эта угроза заставит болгарское руководство отказаться от идеи военного разрешения противоречий по Македонии.

10 июня 1913 г. Сазонов телеграфировал послу в Бухаресте: надо подтолкнуть румын на заявление, что Румыния не допустит усиления Болгарии (за счёт Сербии) [10, с. 182]. От Шебеко румынские представители слышали, что они могут заявить: румынская армия перейдёт болгарскую границу в случае начала войны. 16 июня румыны сделали такое заявление, добавив свой интерес: они отторгнут часть болгарской территории. По замыслу Петербурга, заявление должно было предотвратить войну, оказав сдерживающее влияние на болгарское руководство.

Но в Болгарии не приняли во внимание румынское заявление. Военная партия в Софии уже закусил удила и не воспринимала ничего, что не вписывалось в её видение ситуации. В угрозу румынского вмешательства просто не поверили. Поэтому ход российской дипломатии по предотвращению войны с использованием румынской угрозы не удался. 29 июня болгарские руководители ввергли свою страну в войну. Они грубо ошиблись в оценке обстановки, переоценив боеспособность своих войск и решив, что румыны не вмешаются.

Но в оценке обстановки ошиблось и российское руководство. В Петербурге неверно оценили реальное соотношение сил между Болгарией и сербо-греческим альянсом. Война быстро выявила, что подключение в антиболгарскую коалицию ещё и Румынии было перестраховкой, избыточной мерой.

6) Опасение чрезмерного усиления Болгарии.

Македонский кризис возник из нежелания Сербии и Греции отдавать болгарам земли в Македонии. Причиной было не только желание сербов и греков закрепить эти земли за собой. Важной причиной было также опасение, что Болгария слишком усилится, присоединив все территории, на которые она претендовала. Болгария стала бы самой крупной страной Балкан, региональным гегемоном. Соседние страны такая перспектива категорически не устраивала.

Из Белграда и Афин в Петербург направился поток посланий, в которых излагались опасения по поводу слишком сильной Болгарии. Эти послания находили свою почву в Петербурге, поскольку российское руководство разделяло идею балканского равновесия и необходимости его сохранения [10, с. 165]. Считалось, что большая Болгария могла повести свою политику вразрез с интересами России. В частности, болгарская экспансия могла направиться к черноморским проливам. А это была зона российского интереса, которой в России мечтали овладеть сами. Угроза воспринималась достаточно актуальной, поскольку в ходе 1-й Балканской войны болгары уже пытались захватить Стамбул-Царьград.

Пункты (5) и (6) показывают, что румыно-болгарские противоречия переплетались с противоречиями по Македонии – и это приводило к взаимоусилению двух узлов противоречий. Белград и Афины видели румынские претензии и угрозы в адрес Болгарии, а также российскую позицию. Эта ситуация во многом спровоцировала сербов и греков на ужесточение своей позиции по Македонии. Они ультимативно ставили Болгарию перед фактом раздела Македонии между собой. Румынский фактор добавлял Белграду и Афинам решимости идти на утверждение своей позиции даже через войну с Болгарией.

Сплетение румынских претензий к Болгарии и противоречий по Македонии толкало общую ситуацию к войне. Свой вклад в это внёс и Петербург, решив допустить румын в назревавшую войну. Там полагали, что вплетение Румынии в противоречия между

Болгарией и Сербией может повернуть ситуацию от войны. Но действие румынского фактора было обратным – он только усугубил ситуацию, дополнительно толкнул её к войне.

7) Наступившие последствия.

Обстановка на Балканах развивалась динамично и последствия болгарского гамбита наступили быстро. В них можно выделить два этапа: влияние на 2-ю Балканскую войну и, через её итоги, влияние на ПМВ, вызвавшееся в её более тяжёлом течении для России.

Вторая Балканская война и её итоги

Через неделю после начала войны в Софии осознали тяжесть положения. Болгарский удар в Македонии сразу провалился; превосходящие сербо-греческие силы перешли в своё наступление; к вступлению в войну против Болгарии изготавились Румыния и Турция.

Из Софии обратились в Петербург с просьбой о посредничестве в установлении мира. Петербург сразу откликнулся, отправив в Белград и Афины предложения прекратить войну. В Бухарест было направлено требование не вступать в войну (ибо соображения, оправдывающие это вступление, для Петербурга уже отпали).

Однако, надежды Софии, что Россия оградит её от тяжёлых последствий болгарского решения начать войну, не оправдались. Российские мирные предложения не оказал воздействия на адресатов. Белград и Афины продолжили войну; Бухарест, куда российское обращение пришло за день до планируемого выступления против Болгарии, не отказался от своих планов. 10-го июля Румыния объявила Болгарии войну. Болгарская армия, скованная на сербо-греческом фронте, не могла ничего противопоставить румынскому вторжению. Следом за румынами на Болгарию напала и Турция. Можно считать, что турецкое нападение было отчасти спровоцировано румынским.

Положение Болгарии стало безнадёжным и 29 июля она фактически капитулировала. Победители собрались в Бухаресте, где продиктовали болгарам условия мира – они лишились огромных территорий. Такого ослабления Болгарии в Петербурге всё же не хотели. Позволяя румынам вступить в войну, в Петербурге рассчитывали ограничить румынский аппетит к болгарской территории каким-нибудь клочком [3, с. 120]. Но победители 2-й Балканской войны не считались с мнением российской дипломатии, если это мнение расходилось с их интересом. Румыны сполна воспользовались ситуацией, захватив большой край Болгарии.

Итоги войны в силу их противоречивости поставили проблему их оценки на соответствие российским интересам. В российской прессе возникли разногласия – считать итоги войны поражением российской дипломатии или её победой? Полемика по этому поводу продолжается и в настоящее время [11, С. 360]. В официальном Петербурге после некоторых колебаний посчитали, что итоги 2-й Балканской войны соответствуют его интересам. Представлялось, что Россия получила и усиление Сербии, и дружбу Румынии, и даже Болгарию, что должна была понять свои ошибки и вернуться под российскую эгиду. Но последовавшие события дают основания считать такую победную оценку итогов войны неверной.

Сербия закрепила Македонию за собой, заметно увеличив свою территорию и население. Но усиление Сербии усилило и её антагонизм с Австро-Венгрией. Обострению австро-сербских отношений способствовало и усилившееся после побед в балканских войнах великосербское движение, возглавлявшее идею отторжения провинций Австро-Венгрии с югославянским населением. В Вене стали острее воспринимать как угрозу сербский фактор, всё более накачивалась решимость укротить Сербию. И уже в 1914 г. всё это привело к большой войне, ставшей роковой для Российской империи.

Значительные приращения за болгарский счёт получила Греция. И это было совершенно бесполезно для России, поскольку греческая верхушка держалась прогерманской ориентации, возглашая общий антиславянский интерес [10, с. 196]. Некогда многочисленное славянское население занятых Грецией земель в последующем исчезло. Это тоже можно считать

последствием разгрома Болгарии, произошедшего в результате допущения Румынии в антиболгарскую коалицию.

Бухарест остался союзником австро-германского блока, сохраняя себе свободу внешнеполитического манёвра. Там были готовы в случае неудачи России в войне с австро-германцами выступить на их стороне с целью захвата российской Бессарабии.

И Петербург потерял Болгарию. Её поражение воспринималось российским руководством как заслуженная кара и лекарство для Софии. Считалось, что у Болгарии нет другого выхода, как раскаяться, смириться с территориальными потерями и соединиться с захватчиками их земель в обновлённый союз под эгидой России. Но реальная реакция болгар на разгром и развитие их внешнеполитической ориентации оказались другими.

В Болгарии восприняли произошедшее как национальную катастрофу. И с ней отнюдь не смирились, напротив, болгарским национальным интересом стало стремление вернуть утраченные земли. В болгарском обществе возникли сильные реваншистские настроения и стремление к сближению с Австро-Венгрией и Германией, что были естественными союзниками против Сербии, а потому могли способствовать болгарскому реваншу [7, с. 93]. В отношении же России был принят курс на разрыв с, поскольку распространилось мнение, что Россия бросила болгар перед лицом румынской опасности – и тем самым причастна к разгрому и территориальным потерям Болгарии. Пропаганда в таком духе была удобна для болгарской верхушки во главе с царём, поскольку отвлекала внимание от вины самого царя в произошедшем.

Разрыву с Россией способствовало и то, что Петербург не проявлял интереса к пересмотру Бухарестского мира и возвращению Болгарии хотя бы части утраченных территорий. Такой интерес резко ухудшил бы российские отношения с победившими странами. Петербург не мог заводить речи о возвращении даже части южной Добруджи, опасаясь оттолкнуть Румынию.

Россия, Болгария и Румыния в ПМВ

С началом Первой мировой войны для России обнаружилось, что на Болгарию как союзника рассчитывать нельзя. Но как союзник она была очень нужна. С вступлением Турции в войну Черноморские проливы оказались перекрыты – но это был единственный удобный путь между Россией и её западными союзниками. Поставки от них остро необходимых российской армии военных материалов затруднились. Это обрекало Россию на более тяжелые, с большими жертвами, условия борьбы.

В этих условиях была остро осознана важность Болгарии, близкой к проливам и имевшей значительную армию. Но за присоединение к нашей стороне Болгария требовала действенную помощь в решении болгарского национального интереса – возвращении территорий, захваченных в 1913 г. Сербией, Румынией и Грецией. Однако, эти страны оказывались уступить хоть что-то. Повлиять на эту ситуацию Россия не могла.

Германия же сразу гарантировала болгарам самое ценное для них – Македонию. Также, в случае войны с Румынией, немцы гарантировали возвращение болгарам южной Добруджи. Россия не могла помочь Болгарии в её интересе, Германия же подрядилась реально это сделать. Это и определило выбор стороны болгарским руководством. В Софии считали, что интересам самой Болгарии в 1915 г. отвечает союз с Германией, а не Россией. Так ситуация, сложившаяся после 2-й Балканской войны (территориальные потери Болгарии, её острые противоречия с соседями, которые для болгар были захватчиками), привела Болгарию в лагерь противников России.

Осенью 1915 г. Болгария вступила в ПМВ на германской стороне. За этот злосчастный поворот истории Сазонов возлагает вину исключительно на Болгарию, употребляя к ней слова «предательство» и «измена» [13, с. 265, 359]. Но для Сазонова вести речь о болгарском предательстве, тем более, пафосно сводить всё к нему – достаточно уязвимая позиция. Сазонов своими комбинациями сам способствовал тупику в российско-болгарских отношениях и сложению ситуации, подталкивавшей болгарское руководство к Германии.

Понимание событий в сазоновском духе сводит мотивы Болгарии к тому, что её руководство послушало подстрекательства Вены и Берлина. Но такое понимание событий грубо их упрощает. Сазоновская концепция отказывает Болгарии в субъектности, в праве на свои национальные интересы. Но в Софии руководствовались главным образом именно ими, а не внешними подстрекательствами. Хотя, по итогу, наступившим в 1918 г., болгарское решение выступить на германской стороне оказалось ошибочным. Болгарскому руководству опять не хватило терпения и дальновидности в проведении интересов своей страны.

Негативным для России последствием гамбита был и резко обострившийся румыно-болгарский антагонизм. После того, как Румыния захватила край Болгарии, эти страны разделило острое противоречие: Болгария стремилась вернуть отторгнутое у неё, Румыния же стремилась захваченное удержать. Уже невозможно было рассчитывать, что обе эти страны станут союзниками России.

Болгарский фактор стал сдерживать вступление Румынии в войну на стороне России. На такое вступление имелись шансы уже весной 1915 г. Но румыны тогда не выступили – среди прочего, причиной было и то, что они опасались болгар после 1913 г. Тогда румыны ударили болгарам в спину. После этого румыны боялись, что болгары поступят с ними так же.

Румыны за своё вступление в войну требовали, чтобы русские войска обеспечили их границу с болгарами. Именно ту границу, что возникла в 1913 г. в результате румынского захвата болгарской территории. При попытке болгар вернуть свои земли русские войска должны были воевать за румын. Под давлением западных союзников Петербургу пришлось согласиться с румынскими условиями. И России пришлось воевать с болгарской армией – ради того, чтобы румыны сохранили под собой южную Добруджу. К такому итогу привела комбинация Сазонова и его патрона Николая II. Сначала они пустили румынам против болгар. А затем пришлось губить своих солдат за румынские захваты.

Начало ПМВ вызвало в Румынии массовые проявления антиавстрийских настроений. Румыния не выступила на стороне австро-германского блока, несмотря на союзный договор с ним. Вопреки австро-германским расчётам, румынская армия не сковала часть российских сил. Но такое решение в Бухаресте приняли, исходя только из собственного интереса, а не благодаря заслугам Сазонова. Румыны не сделали ничего, в чём усмотрели бы ущемление своего интереса. Даже, если этот интерес прямо нарушал интересы России. В тяжёлый для России 1915 г. румыны продолжали свою политику шантажа и манипуляций.

Румыния всё же стала союзником России к осени 1916 г. – в такое время и, обставив это такими условиями, что даже Сазонов посчитал союзничество румын не имеющим никакой ценности для России [13, с. 302]. И они вступили в войну, что лишь осложнило и утяжелило её ход для России [5, с. 106-107]. Из всего вышеизложенного следует, что значимость сближения с Румынией в преддверии ПМВ не стоит оценивать высоко.

Выводы

Российские дипломатические комбинации 1912-13 гг с болгарской жертвой в пользу румын следует признать ошибкой. Основания к такой оценке дают и неверные исходные соображения Петербурга, и, тем более, негативные последствия его действий. Они с самого начала подрывали русско-болгарские отношения. А после болгарской катастрофы во 2-ю Балканскую войну, произошедшей благодаря допущению в эту войну Румынии, в Болгарии решили полностью порвать с Россией, повернув к австро-германскому блоку.

Верным для России решением в 1912-1913 гг. было однозначное отрицание румынских претензий на болгарскую территорию. Следовало развести трансильванский и болгарский вопросы, а не поддерживать румынский интерес в них обоих. Политика сближения с Румынией через болгарскую жертву принесла пользу только румынам, которые использовали Россию в своих целях.

Отрицание румынских претензий могло предотвратить переход болгаро-сербских противоречий во 2-ю Балканскую войну. Петербург мог считать правой свою позицию (если Болгария станет инициатором войны, то Россия не будет сдерживать Румынию

от вмешательства). Но такая позиция привела к негативным последствиям для России – а, следовательно, была ошибочной. Поэтому, следовало предотвратить румынское вмешательство в войну. Это минимизировало бы потери Болгарии, что снизило бы её стремление к реваншу, а с ним и вероятность в ПМВ неблагоприятных для России поворотов, связанных с Болгарией (хотя и не дало бы гарантии их отсутствия).

Болгарское руководство тоже хотело использовать Россию в своих интересах. Развязывая 2-ю Балканскую войну, в Софии считали, что Россия должна оградить Болгарию от возможных осложнений. Петербург же не хотел оказаться втянутым Софией в осложнения её авантюры. Но в Петербурге перестарались, отделяя и ограждая российские интересы от болгарских. Развитие ситуации привело к тому, что поддержку болгарского интереса взяла на себя Германия.

ПМВ показала жизненную важность черноморских проливов для России (как и её неспособность самостоятельно взять проливы под свой контроль). Это значит, что российские интересы требовали сохранения дружественных отношений с Болгарией, как страной, примыкающей к зоне проливов. В болгарских территориальных спорах с румынами и сербами следовало сразу, без лавирования и двойственных позиций, поддержать болгар. Это соответствовало бы соображениям и справедливости и реальной политики. Сербы и румыны в силу их фундаментального антиавстрийского интереса далеко бы от России и Антанты не ушли. А вот манёвры за счёт болгар, отталкивавшие их от России, должны были быть исключены.

Рассматриваемые события показали, что в международных отношениях необходимо верно понимать ситуацию во всей её сложности, а не упрощать её, подгоняя под какие-то предвзятые представления. Необходимо умение предвидеть последствия принимаемых решений, что требует трезвого учёта факторов, определяющих эти последствия.

К сожалению, в сложных условиях Балканского узла международных отношений этого умения не хватило. Особенно здесь отличилось болгарское руководство, начавшее 2-ю Балканскую войну, а затем вступившее в ПМВ на австро-германской стороне. Но и российское руководство также не проявило умения анализировать ситуацию и принимать решения с должной дальновидностью. В Петербурге, руководствуясь интересами России, допустили ошибки в их проведении.

Литература

1. Агаки А. С. Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX - начале XX в. Кишинев, 1976. — 187 с.
2. Балканские войны 1912–1913 гг.: далекие предпосылки и долгое эхо. Колл. монография / Отв. ред. Н. С. Гусев, Б. С. Котов. — М.: Институт славяноведения РАН, 2024. — 388 с.
3. Бьюкенен Дж. Моя миссия в Россию. Воспоминания дипломата. 1910-1918. М., 2006.- 398 с.
4. История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / Отв. ред. К. В. Никифоров.— М.: Институт славяноведения РАН, 2017. — 504 с.
5. Керсновский А. А. История Русской армии. Том 4. 1915–1917 гг. М., 1994. — 362 с.
6. Котов Б.С. Оценка российским общественным мнением политики Румынии в преддверии первой мировой войны (1912-1914 годы). Новая и новейшая история. 2017, №3. С. 85-101.
7. Котов Б. С. Политика Австро - Венгрии во время Балканских войн 1912 - 1913 годов в оценках российской прессы. Новая и новейшая история. 2019: N. 5. С. 81-98.
8. Кросс, Б. Б. Русско-румынские дипломатические отношения накануне первой мировой войны. М., 1974. — 16 с.
9. Лунева, Ю. В. Балканские войны 1912-1913 годов и европейские державы / Ю. В. Лунева // Новая и новейшая история. - 2013. - № 1. - С. 78-91.
10. Могилевич А. А., Айрапетян М. Э. На путях к мировой войне 1914-1918 гг. М., 1940. — 296 с.
11. Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М.: Институт славяноведения РАН, 2012. — 436 с.

12. Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. — 285 с.
13. Сазонов С. Д. Воспоминания. Мн., 2002. — 367 с.
14. Стыкалин А. С. Российская дипломатия в поисках путей разрешения румынско-болгарского спора вокруг Силистрии, 1912 – весна 1913 гг. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Славяне и Россия. Балканы и российский дипломатический корпус. XVIII – XXI вв. / отв. редактор С.И. Данченко. М.: Инслав РАН, 2024. С.184–224.
15. Троцкий Л. Д. Сочинения. - М.; Л., 1926. Шахматы: энциклопедический словарь / гл. ред. А. Е. Карпов. М., 1990. — 621с.
16. Россос, Эндрю. Россия и Балканы: межбалканское соперничество и внешняя политика России, 1908-1914. 1981.